

Анна Шнайдер

ТЫ МЕНЯ БЕСИШЬ

Анна Шнайдер

Ты меня бесишь

<https://litres.ru/74204123>

Аннотация

Когда до защиты остаётся меньше четырёх месяцев, Арине неожиданно меняют научного руководителя. И всё бы ничего, но им назначают Александра Андреевича Бесова - преподавателя, который славится своим женоненавистничеством. Девочки у него без пересдач не обходятся!

А потом Бесов заявляет Арине, что вынужден поменять ей тему диплома. Уже почти написанного, выстраданного диплома!

Вот тут и начинается самое интересное...

Вас ждёт:

- невыносимый преподаватель по прозвищу Бес
- ответственная студентка - отличница, умница, спортсменка, комсомо... нет, не то... В общем, просто красавица!
- вреднючая бывшая жена
- навязчивый поклонник-студент
- милый ребёнок, который любит заплетать папе нервы... то есть, косички!

По традиции - обсуждения героев приветствуются в любых, даже самых резких выражениях, но переход на личности будет пресекаться. Автор - за вежливое отношение друг к другу.

Содержание

1	4
2	7
3	11
4	15
5	21
6	26
7	30
8	37
9	40
10	43
11	48
12	51
13	57
14	62
15	64
16	69
17	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Арина

Жизнь — штука непредсказуемая. Если бы мне десять лет назад сказали, что я буду учиться на инженера-электронщика, я бы покрутила пальцем у виска и заявила, что хочу быть дизайнером интерьеров. А если бы пять лет назад мне сообщили, что моя дипломная работа будет на грани срыва, я бы фыркнула и заявила, что быть такого не может, ведь я умна, старательна и вообще отличница. И тем не менее — вот она я, студентка пятого курса кафедры электроники, и от меня ушел... нет, не парень. Хуже. От меня ушел научрук. Неделю меня мариновали в неизвестности, а потом я не выдержала и решила заявиться на кафедру, чтобы всё-таки узнать имя своего нового руководителя. Пора бы определиться, а то работа стоит, а срок идёт!

— Наталья Алексеевна, доброе утро! — улыбнулась я с порога. Секретарь нашей кафедры была женщиной с добрым сердцем и внушительными размерами. Как истинная женщина, она любила детей (даже если им уже за двадцать) и вкусно покушать.

— А, Мельникова, заходи. — Судя по маковой булочке с чаем на столе, Наталья Алексеевна начала второй завтрак. — Тут как раз новости подспели. Завкафедрой полчаса назад

пришёл и сказал, что тебя отдают Бесову.

Если бы она сообщила, что меня отдают инопланетянам на опыты, я бы и то больше обрадовалась.

— Но как?! — воскликнула я. — Он же не из нашей научной группы. И девушек не берёт.

— Это у Евгения Анатольевича спрашивай, — пожала плечами секретарь. — Моё дело — донести информацию. Кстати, он сейчас как раз у себя, в двести пятнадцатой.

— Евгений Анатольевич?

— Бесов!

От Натальи Алексеевны я вышла, размышляя о тщете и напрасности всего сущего. И чем я насолила Евгению Анатольевичу, нашему завкафу, что он определил меня на съедение Александру Андреевичу Бесову?..

Преподавателя с первой же недели окрестили «бесом», и было за что. Лекции он читал потрясающе и на многочисленные вопросы отвечал понятно и подробно. Но на этом его положительные черты заканчивались, сразу начинались отрицательные. Выживших на его зачётах и экзаменах были единицы. Чего уж говорить о пересдачах — Бес приходил на них с улыбкой, от которой кишки примерзали к позвоночнику, и сообщал, что вопросов к пересдающим у него больше, чем было до этого, — ведь и времени на подготовку у студентов было больше, да и вообще это карма. Ух, как вспомню, так вздрогну. Ладно, перед смертью не надышишься — где там эта двести пятнадцатая лаборатория...

*

Дорогие читатели, всех поздравляю с началом новой весёлой истории)

Кто верит в меня, а заодно и в героев - ставьте, пожалуйста, звёздочки в карточке книги (где аннотация), помогите автору проснуться знаменитой))))

Александр

Больше всего на свете Александр Бесов не любил женщин. Точнее, он любил их совершенно определённым образом — как подручное средство для сбрасывания сексуального напряжения. Но больше — никак. И если его спрашивали, по какой причине так получилось, он только пожимал плечами и кратко отвечал, усмехаясь: «Потому что бабам нужны только бабки».

Хорошо, что преподавал Александр в техническом вузе и девушек среди его студентов было немного, иначе он, чего доброго, и вовсе свихнулся бы, глядя на это бабье царство. Ему и так было нелегко после ухода Жанны — хотелось рвать и метать, а ещё мстить, но мстить, увы, было практически некому. Поэтому он от души отрывался на студентах, особенно на девчонках. И последние три года — именно столько времени прошло с его развода — студентам женского пола вообще не светило сдать ему экзамен с первого раза. Максимум со второго, и то — только за реальные знания и отсутствие кокетства. Всех, кто сверкал перед Александром обнажёнными коленками, хлопал пушистыми ресницами или просто улыбался, ждали дополнительные пересдачи. До полнейшего нежелания строить глазки.

Поэтому тем утром после звонка заведующего кафедрой и прекрасной новости о том, что тот принял решение от-
дать Александру дипломницу, настроение Бесова с отметки
«нормальное» резко упало до «паршивее некуда». Он даже
на календарь на стене покосился, убеждаясь, что сегодня не
первое апреля. Подобную шутку он ещё смог бы понять и
даже простить. Потом, не сразу, но смог бы. Однако Евгений
Анатольевич, похоже, говорил серьёзно!

— Жень, ты издеваешься?! — Александра было нелегко
вывести из себя, но сейчас он едва сдерживался, чтобы не
повысить голос. На кухне завтракала дочь, и пугать её он не
хотел.

— Саш, вот только ты не начинай. — Голос в трубке был
уставшим и хриплым от недавней простуды. Евгений Анато-
льевич был убеждённым трудоголиком, и на больничный его
могла отправить только клиническая смерть. — Гринёв не
одного тебя подвёл своим уходом, остальные и так перегру-
жены. А у тебя в этом году вообще дипломников нет.

— Что, в его научной группе вообще никого не нашлось?
— Бесов почти выплёвывал воздух из лёгких. Злость на сло-
жившуюся ситуацию мешала дышать и мыслить. — Ты же
понимаешь, что я не собираюсь вникать в её наработки.

— Девчонка неглупая, ты и сам должен её помнить. Мель-
никова Арина. Ты же читал их курсу датчики. И, насколько я
помню, у неё была только одна пересдача. — Голос из устав-
шего постепенно превращался в раздражительный. — Саш,

у меня действительно больше нет вариантов. Я могу на тебя рассчитывать?

Александр выдохнул, с трудом удерживаясь от какого-нибудь заковыристого ругательства. Он с удовольствием отказался бы, но не видел для этого способов. Чтобы отказаться, надо сначала пристроить студентку в другие руки, но Бесов и без Евгения Анатольевича знал, что никто её не возьмёт. Поэтому пришлось соглашаться, сцепив зубы и пообещав самому себе, что постарается не прибить девчонку.

Мельникова, Мельникова... Положив телефон на стол, Александр прикрыл глаза, пытаясь вспомнить, о ком речь, но нет — ничего в голову не приходило. Точнее, приходил только сам факт, что была такая студентка, и действительно не самая глупая, да и без идиотского кокетства. Но лицо вспомнить не получалось. Кажется, не блондинка — и то хлеб. Блондинок Бесов особенно не любил со времён брака с Жанной. Правда, ещё сильнее, чем самих блондинок, Александр не любил стереотипы о них. «Типичная блондинка» — так говорят, пытаясь измерить интеллект при помощи цвета волос. Ерунда. А ведь он когда-то думал, что в этом есть доля истины, и относился к Жанне слегка снисходительно. Навивный олень! Выяснилось, что жена у него умнее некоторых (особенно — самого Бесова), но, как это часто бывает, узнал он об этом слишком поздно.

Александр неожиданно ощутил, как его дёргают за рукав, и, вынырнув из мыслей то ли о Мельниковой, то ли о бывшей

жене, открыл глаза и посмотрел на дочь.

— Пап, а знаешь, что я сделала? — К нему, улыбаясь щербатым ртом, прижалась Аня. Волосы у неё на голове были взлохмачены, сбоку красовался кривой хвостик. Вот уже пару недель как Аня пыталась научиться делать причёски — Бесов для этого даже специальную куклу ей купил, чтобы собственные волосы не мучила. Точнее, голову от куклы — большую, с длинной шевелюрой и кучей прибамбасов в виде заколок, шпилек и резиночек. Ане понравилось, но всё-таки саму себя ей нравилось причёсывать куда больше. И папу, конечно, тоже. Поэтому по дому Александр чаще всего ходил с короткими лохматыми хвостиками или в цветных заколках. Увидели бы его в подобном виде студенты — впечатлились бы до икоты и гомерического хохота.

— Что, ребёнок? — Бесов честно пытался улыбнуться, но, увы, осадок от телефонного разговора ещё давал о себе знать.

— Я уже собралась в школу, оделась и даже сама причесалась! — Аня гордо ткнула пальцем в волосы. — Правда, красиво?

Александрю малодушно хотелось сказать, что, да, красиво, и разрешить ей так пойти в школу. Но отцовский долг опять взял верх.

— Красота, но я бы добавил пару штрихов. Позволишь?

Арина

Я даже немного расстроилась, что дверь в двести пятнадцатую лабораторию нашлась настолько быстро. Я бы с удовольствием ещё немного поплутала, полюбовалась бы винтажным линолеумом на полу, фальшпотолком... Да я бы и дверную ручку полчаса разглядывала как Венеру Милоскую, лишь бы не заходить внутрь. Но к двадцати двум годам я всё же смогла воспитать неплохую силу воли, да и пять лет проживания в студенческом общежитии изрядно закалили мой характер. Поэтому, резко выдохнув, я откинула косу за спину, постучалась и вошла.

В кабинете было гораздо светлее, чем в коридоре, несколько компьютерных столов стояло по центру, у стены пристроились стол с осциллографом, источником питания и прочим оборудованием, а также рабочее место под вытяжкой с паяльной станцией. Бесов стоял у окна с кружкой кофе, и его немигающий взгляд тут же сосредоточился на мне. Логично — в комнате никого больше не было. Видимо, коллеги Бесова предпочитали приезжать на работу попозже. И от отсутствия свидетелей мне стало совсем плохо. Обычно при других преподавателях Александр Андреевич был хоть капельку, но милее. Хотя «милый» — это слово вообще не

про него, несмотря на привлекательную внешность. Очень привлекательную — как у кинозвезды. Короткие чёрные волосы — такой цвет в романтической литературе называют «вороново крыло», — ярко-синие глаза, волевой подбородок, нос с благородной горбинкой, тонкие губы (улыбка на которых появлялась крайне редко и была исключительно язвительной). Высокий рост — Бесов был выше меня почти на целую голову! — и отличное телосложение. А осанка, осанка какая! Я, как человек, которого мама в детстве заставляла заниматься балетом, заценила эту идеально ровную спину и широко развёрнутые плечи ещё на первой лекции. Даже успела на парту слюнями покапать — впрочем, как и остальные однокурсницы. Кто бы мог подумать, что человек с подобной внешностью может обладать настолько скверным характером?..

— Здравствуйте! — Отличное начало. Так держать, Арина. — Александр Андреевич, Наталья Алексеевна сказала мне, что вас назначили моим новым дипломным руководителем. Я уже почти закончила работу, которую мы делали с Олегом Ивановичем Гринёвым, и принесла её, чтобы вы посмотрели. — Выпалив всё это на одном дыхании, я полезла в рюкзак, доставая заранее распечатанные листы.

— Можете не доставать, Мельникова. — Бесов с безразличным видом подошёл к своему месту и поставил кружку на стол. — Эти листочки вам больше не пригодятся.

Сердце пропустило удар, рука внутри рюкзака судорожно

сжала папку с почти написанным дипломом.

— Почему не пригодятся? — Покровитель всех студентов и бездарей, пусть это будет не то, о чём я думаю. — Там осталось лишь немного стиль поправить, и можно отправлять на рецензию.

— Ваша бывшая научная группа сотрудничает с местным радиозаводом, он и поставляет вам тестовые образцы, по которым чаще всего студенты пишут дипломы. Что у вас там, приёмопередатчики?

— Да, но...

— Но вы теперь в другой научной группе. — Бесов обвёл рукой помещение, будто это могло всё объяснить. — К радиозаводу мы не имеем ни малейшего отношения, так что придётся вам поменять тему диплома.

— Александр Андреевич, но ведь до защиты осталось меньше четырёх месяцев... — Мой голос дрожал то ли от ужаса, то ли от слёз, застрявших в горле. — Клянусь, я могу объяснить каждую запятую...

— Мельникова, мне прискорбно, что в столь юном возрасте у вас проблемы со слухом. — Голос преподавателя проникал в моё сознание будто в замедленном воспроизведении. За всё время разговора Бесов даже позы не менял, так и стоял, положив обе ладони на стол, рядом с чашкой кофе. Вежливый и спокойный, как палач на эшафоте. — Вопрос о вашей предыдущей работе не стоит. Предлагаю вам сейчас пойти домой и освежить в памяти лекции по датчи-

кам. Завтра придёте сюда к первой паре, и мы выберем новую тему, чтобы вы успели защитить ваш драгоценный диплом и ко всеобщему облегчению покинуть наше прекрасное образовательное учреждение. Я был услышан?

О, вы были услышаны, Александр Андреевич. А ещё я выцарапаю ваши мерзкие глаза, швырну в вас папку со своим дипломом и вылью недопитый кофе вам на голову. Надеюсь, он всё ещё горячий...

Да, от меня потребовалась вся выдержка и немного сверх неё, чтобы не реализовать ни одно из этих желаний и просто кивнуть.

Выйдя от Беса, я глубоко вздохнула, дабы прийти в себя, и привалилась спиной к стене. Гринёв, мать твою за ногу, ну что мешало тебе уволиться на полгода позже?!

Арина

От университета до студгородка идти полчаса бодрым шагом. Бодрости во мне было мало, но я успешно компенсировала это переизбытком злости. Так что к стенам родной пятиэтажки попала минут через пятнадцать.

Студгородок, как и сам институт, был построен ещё при Советах, и с тех пор никто не тревожил его ни капремонтом, ни визитом санэпидемстанции, ни другими бренными вещами. Отопление здесь включали ближе к декабрю, а выключали хорошо если к концу апреля. Тараканы были неотъемлемой частью интерьера, и в этом нашем корпусе, несомненно, повезло — в более старых зданиях нередко водились и мыши.

Я толкнула входную дверь, по привычке поздоровалась с охранником на входе (тот кивнул, даже не подняв глаз от планшета с очередным турецким сериалом) и поплелась на «девчачий» этаж. Так было заведено, что на этажах выше третьего старались селить исключительно мальчиков, а вот второй отдали девочкам. Конечно, случались разного рода исключения: всё же количество студентов и их гендерный состав — величина переменная. Так что сейчас у нас на этаже были две «мужские» комнаты. Каждый этаж представлял

из себя длинный коридор с кучей дверей. Один его конец заканчивался дверью в общую уборную — помещение с кучей кабинок и раковин. А в середине, прямо напротив лестницы, была кухня с двумя старенькими электроплитами, столом и раковиной. Свернув от лестницы направо, я прошла чуть дальше по коридору и зашла в нашу комнату.

— Быстро ты вернулась! — Настя улыбнулась, глядя, как я снимаю свою старенькую бежевую куртку, сбрасываю кроссовки у входа и падаю на стул у окна. — Что в итоге, дали тебе нового руководителя?

Настя была одной из трёх моих соседок и по совместительству однокурсницей. Улыбчивая, круглолицая, с густыми тёмно-русыми волосами и женственной фигурой, вызывающей у меня регулярные приступы белой зависти — у меня-то из женственного имелась только длинная коса. Прибавьте к этому общительность, доброту, ум... и станет понятно, почему Настя выходила через полтора месяца замуж. Претендентов на её сердце было много, но из всех она выбрала своего одноклассника Женьку. Кстати, странно, что он ещё не пришёл в гости... хм... а может, наоборот — уже ушёл?

— Да лучше б не давали, — я устало прикрыла глаза. Ноги гудели от быстрой ходьбы, а любимая зелёная футболка была мокрой от пота и неприятно холодила спину. Зато голова от этого забега немного прояснилась, жажда крови поутихла, и можно было взглянуть на ситуацию более спокой-

но. — Помнишь Беса?

— Твоего препода по датчикам? — соседка уставилась на меня в изумлении. — Ещё бы не помнить, ты к той пересдаче как к Судному дню готовилась. Но как он мог согласиться тебя взять? Ты же говорила, он девчонок на дух не переносит.

— Судя по всему, Бес сам не в восторге, что ему меня сосватали, — хмыкнула я. — И это его злит. Представляешь, он хочет, чтобы я поменяла тему диплома.

В этот момент со второго этажа двухъярусной кровати свесилась светло-русая голова моей второй соседки Риты. Отлично, все в сборе. Третью нашу соседку можно не считать — Диана сразу после подселения съехала из общаги к своему парню на квартиру, но продолжала держать место в нашей комнате на случай расставания. Предусмотрительная личность, да.

— С фига ли? У тебя ж уже всё готово, — включилась в диалог Рита.

— Теперь нет. Он сказал, что раз я с этого дня в другой научной группе, то и тема диплома должна быть другой. — При воспоминании о надменном голосе препода я снова начала закипать. — Ты бы знала, как он меня бесит! Так бы и врезала по его смазливой роже! — Мой кулак с глухим стуком опустился на подоконник. Тот, конечно, даже не вздрогнул, а вот рука после удара немного заныла, поэтому я, поморщившись, потрясла ею в воздухе.

— Врезать — это, конечно, хорошо, но давай ещё накатаем на него жалобу в министерство образования, чтобы ты защитилась по своей старой работе! — Рита была натурой деятельной и импульсивной. Чувство справедливости у неё преобладало над всеми остальными с большим отрывом. Увы, это мало помогало в учёбе. Ей отчаянно не хватало усидчивости, она часто прогуливала пары. За голову Рита бралась только перед зачётной неделей, и мы с Настей провели не один час, объясняя ей то матан, то общезфиз. Кстати, мы с Ритой учились на одной кафедре, только я — на пятом, а она — на третьем курсе.

— Рит, ты серьёзно веришь, что в минобре людям больше нечем заняться? — Я фыркнула, достала домашние штаны и футболку и начала переодеваться. — Не буду я никуда писать, ещё чего не хватало. Хоть какую тему пусть даст — костями лягу, но всё сделаю и сдам. Понятно, что единственная радость Беса в жизни — унижать девушек, но придётся ему в этот раз утереться.

— Арин, да зачем тебе жилы рвать ради его заскоков? Пусть с ним декан разбирается, ректор, в конце концов. Он тебе за неделю до защиты ещё какую-нибудь подставу устроит, тоже стерпишь? — продолжала настаивать Рита.

— Не собираюсь я ничего терпеть, но и бегать плакаться из-за любой ерунды не буду. — Футболка со штанами были успешно натянуты на мою тощую персону. — Три с половиной месяца — вполне приличный срок, и если я не смогу за

него написать работу, то какой я, к чёрту, инженер? К тому же Бесов хоть и сволочь, но первоклассный специалист. Глядишь, смогу чему-нибудь у него научиться за это время.

Рита неодобрительно на меня поглядела и покачала головой.

— Чует моя задница — добром это не кончится. Мельникова, я тебя, конечно, очень уважаю за принципиальность, силу воли и всякое такое, но иногда надо засунуть свою гордость куда подальше.

— Не могу. — Я отвернулась к окну и посмотрела на небо, которое после снежного февраля было непривычно ясным. — Кроме гордости у меня больше ничего нет.

Мы замолчали. Рита всем видом выражала недовольство, Настя за время нашего разговора уже успела налить воды в электрочайник, и теперь мы ждали, когда он закипит.

— Слушай, а может, не такой уж он женоненавистник, как все его малюют? — хитро улыбнулась Настя, расставляя на столе наши чашки.

— Ты это о чём? — задумчиво спросила я, как раз решая, хочу ли обычный чёрный чай или же лучше заварить зелёный с мелиссой.

— О том, что, ненавидь он девочек, дал бы тебе спокойно дописать старую тему, чтобы не видеть больше никогда, а ему приспичило усложнить жизнь по максимуму, причём и себе тоже, — продолжала рассуждать соседка. — Может, ты ему нравишься и он хочет видеть тебя чаще? Диплом —

отличный повод.

— Насть, это даже не смешно, — я скептически посмотрела на неё и решительно бросила в кружку пакетик с чёрным чаем. — Где Александр Андреевич, а где романтика? Его сердце навсегда отдано электронике, если оно вообще у него есть.

— Как знать... я бы не сбрасывала эту версию со счетов, — хмыкнула подруга.

Александр

Когда студентка вышла из лаборатории, Бесов вздохнул и поморщился, пытаясь усыпить внезапно проснувшуюся совесть. Конечно, девчонка не виновата, что лишилась научрука буквально накануне защиты диплома. Но и Александр в этом не виноват. Почему он должен разбираться в её дипломе? Просто потому, что он мужчина, а она девушка? Нет, не прокатит. Это она — студентка, а Бесов — преподаватель. И преподаватели должны создавать студентам проблемы и придумывать испытания, а не наоборот. Неважно, что ему было бы проще ознакомиться с уже написанной работой, чем ей писать новую. Бесов не обязан это делать, так что...

Впрочем, ладно. Если не справится, он ей поможет, чтобы не завалила свой многострадальный диплом. Но только в том случае, если будет стараться и не отлынивать от трудов праведных.

Александр фыркнул, вспомнив сверкающие гневом большие серые глаза и вздымающуюся от возмущённого дыхания грудь — точнее, её худенькое подобие. Именно таких девчонок, как эта мелочь Мельникова, и называют «серыми мышками» — серые глаза, бледное личико сердечком, обычные русые волосы, заплетённые в косу, небольшой рост и шуплое

телосложение. Без слёз не взглянешь. Хотя коса всё-таки хороша — толстая и густая, и вокруг лица забавные кудрявые прядки, выбивающиеся из причёски. И ресницы ничего, тем более свои — новую моду на нарощенные Александр вообще не понимал. Выглядело это жутко, и девчонок с подобным украшением на глазах он отправлял на пересдачу всегда, практически не вслушиваясь в ответы.

В общем, мелочь с косой была ничего. По крайней мере, не так раздражала, как девчонки более сексуальных подвидов, и чувствовалось, что интеллект у неё имеется. Интересно, не решит ли Мельникова пожаловаться на него в вышестоящие инстанции? Это будет даже забавно, если действительно решит. Институт она в таком случае наверняка закончит со своей прежней темой диплома, но со скрипом и скандалом, громко хлопнув напоследок дверью. Что ж, если Мельникова захочет подобным образом развлечься — пожалуйста. Её право.

Телефон в кармане брюк неожиданно завибрировал, и Александр, достав его, моментально принял звонок, даже не посмотрев на экран — знал, что в это время должна звонить дочь, у которой как раз закончились уроки. Домой её отводила няня — мировая женщина шестидесяти с лишним лет, вырастившая троих детей и чёрт знает сколько внуков — Бесов всё время забывал точное число её выводка. Все внуки были уже большие, росли в полных семьях, и бабушка им требовалась только по великим праздникам — а

вот самой Людмиле Михайловне требовались деньги. Александр не очень понимал, почему её не содержат многочисленные родственники, но не вникал, справедливо полагая, что в каждой избушке свои погремушки. А ещё, что вероятнее всего, Людмиле Михайловне просто было скучно, поэтому она и решила три года назад найти себе развлечение. И нашла. Одиноким папаша-преподаватель, которого бросила жена, укатив с новым мужем за границу, на виллу у моря, и пятилетняя, растерянная отсутствием мамы девочка — чем не развлечение?

Александр никому не рассказывал, но Людмила Михайловна с её характером генерала в юбке была единственной женщиной, которой он всё прощал, даже диктаторские замашки. Не считая Ани, разумеется. Просто потому, что если бы не Людмила Михайловна, то они с Аней пропали бы. Но она и девочку отогрела, почти заменив ей отсутствующих с обеих сторон бабушек и дедушек, и Александру помогала так, что он едва не молился на неё. Была бы помоложе лет на тридцать — точно женился бы. Ну ладно, хотя бы на двадцать...

— Алё, пап! — взвизгнула в трубку Аня, и Бесов сразу понял, о чём сейчас пойдёт речь. Точнее, о ком. Подобным образом дочь визжала только в одном исключительном случае. — Мне тут мама звонила!

Вот в этом случае, да. Жанна вспоминала об Ане крайне редко. Хотя, скорее всего, бывшая жена считала, что звонки

раз в месяц — это часто, но Бесов был иного мнения.

— Она знаешь, что сказала?! — Судя по звукам, дочь подпрыгивала от радости. — Сказала, что возвращается! И теперь будет жить здесь!

— Здесь — это где? — уточнил Александр, невольно обведя взглядом лабораторию. И от мысли о том, насколько чудеродно смотрелась бы Жанна в подобном помещении, даже усмехнулся. Лазурный Берег ей подходит больше, да.

— В нашем городе!

Брови Александра медленно поползли вверх. Жанна? Возвращается? Нет, Аня наверняка что-то перепутала. Возможно, бывшая супруга приедет на пару недель навестить дочь — она делала так пару раз за последние три года, — но совсем вернуться? Нет, исключено. Уезжая, Жанна сама сказала: «Как же хорошо, что я покидаю эту глухомань». И её не смущало, что она была родом из этой самой глухомани.

Да и как Жанна покинет своего нового мужа, виллу с бассейном у моря и прочие аспекты шикарной жизни, на которые Александр не накопит никогда даже при всём желании?

Значит, Аня не так поняла маму.

Бесов уже хотел задать уточняющий вопрос, но в этот момент в лабораторию зашёл один из его коллег, и Александр быстро завершил разговор, не желая обсуждать с Аней подобную тему при посторонних. Коллеги знали о его разводе, но, разумеется, не о том, что Жанна укатила в другую страну с любовником. Он же не идиот — рассказывать подобное?

Для чего — чтобы его жалели? Развёлся и развёлся. Все разводятся. Точнее, почти все, но это уже детали.

Через несколько минут Александр отправился на семинар и к этому времени успел выкинуть из головы и новости о бывшей супруге, и образ мелочи Мельниковой, с которой ему предстояло встретиться на следующий день, чтобы ого-рошить её новой темой диплома.

Арина

Долгий день подходил к концу, и утренняя злость сменилась вечерней апатией. У меня так бывало — за всплеском эмоций приходили безразличие и упадок сил. И это никуда не годилось. Чтобы победить в битве с Бесом, придётся мобилизовать все внутренние резервы, а для этого мне жизненно необходим боевой настрой. К счастью, я знала, кто сможет его обеспечить. Рука сама потянулась к телефону, и я растянулась на кровати, слушая гудки вызова.

— Привет, дылда! — звонкий голос Веры раздался из динамика. — Совсем уже обнаглела, третий день не звонишь!

— Привет, мелочь! — улыбнулась я. — Прости, совсем замоталась. Как дела дома?

— Да нормально всё, — сестра, как обычно, не замечала, что говорит слишком громко, но я всё равно смогла расслышать, как на заднем фоне играет знакомая мелодия. — А я уроки делаю. Половину примеров решила, а вторая решаться не хочет!

— А ты попробуй «Героев» выключить, — я едва сдерживала хохот. — Без них домашка куда бодрее пойдёт, поверь мне.

— Так не интересно, — хмыкнула Вера. — Вот пройду

карту, тогда и уроки доделаю.

В эпоху «Майнкрафта» сестрёнка умудрилась подсесть на игру моего детства — «Герои Меча и Магии-3». Приезжая домой на летние каникулы, я изредка играла в неё, а маленькая Вера сидела и донимала меня вопросами — а что вот это за квадратик, а куда этот дядя на лошадке поскакал, а что это за чудик с крыльями?.. Теперь сама играет. Вера вообще всегда старалась повторять за мной — стиль одежды (если так можно назвать мою преданность простым джинсам и безразмерным футболкам), увлечения, даже жесты. И, конечно, она вознамерилась поступить в тот же вуз и на ту же кафедру, что и я. И чтобы с общежитием. Ладно, время покажет, мне бы самой для начала этот вуз и эту кафедру окончить.

— А у меня вот новый научный руководитель, так что скоро буду новый диплом писать, — сообщила я будничным тоном.

— Да-а-а? — ни грамма беспокойства в голосе Веры слышно не было. Оно и понятно — ей не так давно исполнилось девять лет, так что она весьма условно представляла себе, что такое диплом. К моему счастью. — И про что будешь писать? Опять про приёмодатчики?

Мелодия на заднем плане стихла. Похоже, сестра всё же выключила игру, но вряд ли для того, чтобы вернуться к примерам. А зачем тогда? Чтобы пообщаться со мной? Лестно, чёрт возьми.

— Приёмопередатчики, — привычно поправила я. — Не-

а. На самом деле, мне пока не сообщили, про что я буду писать. Но обещаю рассказать, как только сама узнаю!

Мы проговорили ещё минут двадцать. Обо всём и ни о чём — Вера очень любила мои смешные истории про студенческую жизнь, а я с удовольствием слушала её рассказы про начальную школу. Всё-таки очень важно иметь в жизни любящего человека, которому действительно интересно, как ты живёшь, которому необходимо знать, что с тобой всё в порядке. Сестрёнка любила меня и очень гордилась, что её сестра учится «по электронной специальности». Забавно, но многие дети из кожи вон лезут, чтобы оправдать ожидания своих родителей. Я же старалась оправдать ожидания девятилетнего ребёнка. Вера выглядела младше своих лет — маленького роста, худенькая и вечно растрёпанная, она напоминала взъерошенного воробья. Когда она появилась на свет, наша семья уже трещала по швам. Мама вышла на работу, как только Вере исполнилось два месяца, переложив уход за ней на папу. Папа тут же начал поднимать шум — где это видано, чтобы мужик с ребёнком сидел?! Правда, для меня так и осталось загадкой, что в папином представлении должен делать мужик — постоянной работы у него не было, дома он тоже ничего не делал. С Верой он сидел от силы полдня и при любом удобном случае уходил куда-то из дома, спихивая заботу о ней на меня. Я же сразу полюбила этот маленький кричащий свёрточек и с удовольствием возилась с сестрой: укладывала спать, меняла подгузники и поила из

бутылочки. Дошло до того, что я начала пропускать хореографию и хватать двойки на уроках. Тогда вмешалась мама и поставила условие — никто не запрещает мне заниматься с Верой, пока не страдает моя учёба. И я с трудом, но соблюдала это условие целый год... пока отец не ушёл в другую семью.

Я вздохнула. За окном уже было темно, соседки сидели на своих кроватях в обнимку с ноутбуками, в коридоре хлопали дверьми, и звуки шаркающих по кафелю шлёпок то удалялись, то приближались — до часу ночи уж точно тишины ждать не следовало. Но сегодня надо лечь пораньше. «В чём сила, брат?» Во сне! А силы мне понадобятся.

Александр

Домой Бесов пришёл около шести часов вечера, пребывая в отвратительном расположении духа. Вернувшись после семинара в лабораторию, он никак не мог понять — то ли студенты с каждым годом глупее, то ли он стал хуже преподавать. Надеялся сегодня разобрать с ними по меньшей мере три задачи, но, к его удивлению, все засыпались на первом же вопросе, заданном «для разогрева». Не курс, а сплошное разочарование. А эти любители поболтать на «галёрке»? Или поиграть на смартфоне в очередную игрушку? Неужели эти глупости стоят тех трёх (минимум!) пересдач, которыми они чреваты? А уж какие из этих студентов выйдут «специалисты» после выпуска, и думать не хотелось.

После пары Александр надеялся заняться своей статьёй — сроки уже поджимали, но не вышло: к нему прицепился коллега с очередной порцией вопросов. Николай выпустился с их кафедры в прошлом году: молодой и сообразительный парень, но его нерешительность временами выводила из себя. При малейших сомнениях он бежал советоваться. Бесов был и не против подсказать, но всему есть предел...

За всеми событиями сегодняшнего дня времени на обед почти не осталось, пришлось довольствоваться чаем и пи-

рожком с капустой. Он сиротливо лежал на противне — остальные уже раскупили, — чуть подгоревший с одного бока и слегка помятый, и невольно напомнил Александру его самого. Бесов к концу дня тоже был помятым, да и из-за тупости студентов у него периодически подгорало. Ещё и завтрашняя встреча с Мельниковой, будь она неладна!

А может, ну его, а? Может, взять и отдать ей этот чёртов диплом? У Александра ведь почти всё готово по теме, которую он собирался дать девчонке. Пусть в папочку подошьёт и радуется. В конце концов, зачем ему с ней возиться? Мельникова неглупая, ей наверняка тоже не хочется писать диплом заново за четыре месяца до защиты. А тут такой подарок — ничего делать не надо, гуляй, Арина! И ему проще, и ей. А что, почему бы и нет?..

Додумать эту тему Александр не успел — как только он открыл дверь своим ключом, на него с разбега запрыгнула Аня. Повисла на шее, дёргая ногами в процессе, — Бесов еле успел придержать дочь, чтобы не грохнулась.

— Аня! Вот неугомонная! — В коридор с кухни медленно, как большой и величественный круизный лайнер,плыла Людмила Михайловна. — Ну-ка, слезь с папы! Он даже разуться не успел и куртку не снял, а ты его уже оседлала, наездница!

— Я соску-у-училась! — воскликнула Аня, но с Александра всё же прыгнула. И тут же заявила: — А мама сказала, что завтра вечером к нам в гости придёт!

— В гости приходят, когда приглашают, — ответил Бесов как мог спокойно, хотя внутри всё клокотало от раздражения на Жанну. Заявляет такие вещи Ане, а сама даже не удосужилась ему позвонить. — А мы маму не приглашали.

— Так давай пригласим! — тут же надула губы Аня. — Па-а-ап, ну...

— Всё, террористка! — Людмила Михайловна легонько шлёпнула девочку по попе, из-за чего Аня взвизгнула и засмеялась. — Дай папе раздеться, руки помыть и поесть хотя бы, а потом уж маму свою обсуждай!

Людмила Михайловна Жанну не любила. Оно и понятно: женщина старой закалки, вырастившая целое поголовье детей, не понимала, как она выражалась, «современных кукушек». Александр на это слабо возражал, что Жанна всё-таки не в чужое гнездо «яйцо» подбросила, а с родным отцом оставила, на что Людмила Михайловна только рукой махала и решительно заявляла:

— Девочке мама нужна!

С этим было трудно спорить, и Александр молчал. Он очень старался дать Ане всё, но... Действительно, как в детской песенке поётся: «Папа может быть кем угодно, только мамой не может быть».

Переодевшись и наведавшись в ванную, Бесов прошёл на кухню, где Людмила Михайловна как раз накладывала Ане ужин — котлеты с картофельным пюре. Александр тут же плюхнулся на табуретку и потянулся за своей порцией. От

желания поскорее что-нибудь съесть аж в глазах двоилось, и все мысли про бесцеремонное поведение Жанны улетучились. В конце концов, не в первый раз бывшая жена проявляет себя подобным образом. Когда-то Александру даже нравилась её решительность, теперь же он предпочитал, чтобы окружающие его люди были поделикатнее.

Слушая Анин щебет и дружелюбное ворчание Людмилы Михайловны, которая, по обыкновению, не спешила уходить к себе домой — да и жила она близко, в пяти минутах ходьбы, — Бесов понемногу расслабился. Свою роль сыграли и мировые котлеты с картошкой, к которым Людмила Михайловна с Аней на скорую руку ещё и салат из овощей порубили.

Когда Александр был сыт, он, как и многие мужчины, становился более благодушным. В некоторых случаях это был плюс, но иногда всё-таки минус. Особенно когда требовалось позвонить Жанне и всё-таки выяснить у неё, что это за история с приездом (или переездом?) и до каких пор она собирается приходить в гости без предупреждения. Хотя Александр заранее слышал её ответ на последний вопрос. Он почти наверняка будет звучать так: «Неправда, я предупредила!»

С Жанной он познакомился десять лет назад. Бесов тогда как раз устроился инженером в научно-производственное объединение, созданное на базе кафедры, параллельно успевая писать кандидатскую. Тогда же начал преподавать

— сначала вёл лабораторные работы, а спустя пару лет ему доверили курс по электронным датчикам. Жанна же училась на заочке другой кафедры и устроилась в их деканат методистом. Ещё в первый день, увидев сочную голубоглазую блондинку с загаром как после солярия и белозубой широкой улыбкой, Александр подумал, что такая долго в институте не задержится, выскочит замуж и «адьос». Вот только он и не предполагал, что замуж Жанна спустя год — сразу после защиты собственного диплома — выйдет за него. И, да, в институт она больше не вернулась. Сначала был медовый месяц, потом беременность, затем декрет... Ещё во время декрета Жанна увлеклась фотографией, и Александр подарил ей дорогуший цифровой фотоаппарат. Супруга бегала на курсы, начала снимать что-то — сначала бесплатно, потом за деньги, и даже неплохие, по его меркам. В том числе снимала она и свадьбы. На одной такой свадьбе Жанна познакомилась с итальянцем по имени Антонио, закрутила с ним роман и через несколько месяцев потребовала развод, заявив, что полюбила другого и уезжает с ним в Италию, чтобы жить на берегу моря и есть устриц. Александр, поначалу опешив от подобного заявления, быстро взял себя в руки и поинтересовался как мог спокойно:

— А Аню ты с собой заберёшь?

— Ане будет лучше с тобой, — широко и беззаботно улыбнулась Жанна. Словно речь шла не о её пятилетней дочери, а максимум о собачке. — Она привыкла к этой квар-

тире, к детскому саду. У неё там друзья.

— Значит, твой Антонио против чужого ребёнка? — усмехнулся Александр, уловив в речи Жанны суть. Жена — почти бывшая — поморщилась и огрызнулась:

— Ну а какой нормальный мужик был бы за на его месте?!

Интересный вопрос. Бесов потом даже пытался рассуждать на эту тему, но его мозги буксовали, обнаружив логическую несостыковку. Допустим, Александр не был бы против, будь у понравившейся женщины ребёнок, но... только не в существующем браке. С замужней женщиной Бесов точно не стал бы связываться. Это значит, что он ненормальный мужик? Или наоборот? Судя по логике Жанны, ненормальный. А вот Антонио, отнявший у него жену, а у Ани мать, — нормальный. Как так?

Всё встало на свои места, как только Александр увидел Антонио. Он почему-то представлял его знойным красавчиком одного с Жанной возраста... Но на фотографиях, которые вылезли в ленте обновлений друзей в одной из соцсетей, оказался не знойный и не красавчик, а мужик хорошо так за пятьдесят, а то и за шестьдесят. Лысоватый, носастый и губастый, с расплывшейся от лишнего веса фигурой.

Зато они с Жанной на этой фотографии стояли на яхте, принадлежащей Антонио, и в руках у них были бокалы с шампанским, а на столе — тарелка с устрицами.

— Очень неприятный дяденька, — сказала тогда Аня, заглянув отцу через плечо. Наморщила лоб и сдула чёлку. —

И чем он лучше тебя, пап?

О, Александр понял чем. И как сразу не догадался? Действительно ведь считал, что Жанна влюбилась. Наивный...

— Па-ап! — прервал поток его мыслей звонкий голос Ани. — Ты десерт будешь? Мы с бабой Люсей купили в магазине твой любимый зефир в шоколаде!

— Буду, — кивнул Александр и потянулся за дочерью. — Иди сюда, зефирка.

Аня, хихикая, перебралась к нему на колени, а потом, по своему обыкновению, полезла пальцами в волосы отца — пытаться заплести короткие косички.

Александр

Сразу после ужина, проводив Людмилу Михайловну домой, а затем оставив Аню перед телевизором за просмотром какого-то мультика про принцесс или феечек, а может, про феечек-принцесс, Александр отошёл в спальню и набрал номер Жанны.

Бывшая жена легко могла бы позвонить ему или написать в мессенджер, сообщить что-то о своих планах, — но, нет, и в журнале вызовов, и в сообщениях было пусто. Ничего нового, в принципе, — Жанна всегда так делала, полагая, что ничего особенного и остальные могут к её планам приспособиться, отложив свои. В первую очередь — Александр. Раз уж он стал отцом её дочери, то ему сам Бог велел ради Жанны планы откладывать.

— Алло, — томно вздохнули в трубке. — Да, дорогой.

«Дорогим» Жанна называла его всегда. В самом начале не напрягало, после развода стало раздражать, но настойчивые просьбы перестать это делать бывшая жена игнорировала, как слоны игнорируют муравьёв под ногами.

— Дорогая, — съязвил Александр, садясь на кровать, — объясни мне, что ты там Ане наплела сегодня днём?

— Ну почему наплела, — мурлыкнула Жанна, — я правду

сказала. Приехала вот, увидеться хочу. Завтра вечером приду к вам. Ты во сколько дома будешь? А то я не хочу без тебя с твоей домработницей общаться.

Бесов скрипнул зубами. Господи, как он жил с этой женщиной шесть лет?!

— Людмила Михайловна не домработница, она няня. И...

— Ах да, няня, — фыркнула Жанна. — Точно. Фрекен Бок. Похожа даже чем-то. Так во сколько, говоришь, приходиться?

— Ни во сколько, — почти рывкнул Александр. — Не вздумай сюда являться, выставлю, и Ани не постесняюсь. Жанн, ты совсем уже мозги на солнце спалила в своей Италии? Забыла правила приличия и поведения? Любые походы по гостям надо согласовывать, а не ставить перед фактом!

— Так я и согласовываю, — предсказуемо возразила бывшая жена, и Бесов закатил глаза.

Кто-то считает, что люди меняются. Ну, может, какие-то люди и меняются, а вот Жанна — точно нет.

— Ты не согласовываешь, а ставишь ультиматум. Причём через Аню. Это вообще-то называется манипулированием.

— Ладно тебе...

— В общем, Жанн, — перебил её Александр, не собираясь слушать то, что слышал уже много раз. — Никаких завтра или послезавтра. Встретимся в выходные, в субботу или воскресенье, сходишь с Аней в кафе, в парке погуляешь.

— Хорошо, — немного недовольно пробормотала быв-

шая жена. — Ты с нами пойдёшь?

— Зачем? — удивился Бесов. — Я Аню привезу, сам отлучусь по делам, заберу через пару-тройку часов.

— По каким ещё делам? — с подозрением поинтересовалась Жанна, и Александр хмыкнул.

— По личным. Всё, отбой. — И положил трубку, не дав бывшей жене попрощаться.

Александр

Тяжело быть родителем первоклассницы. И особенно тяжело, если ты — единственный родитель. Формально Жанна, конечно, существовала, но толку от неё было примерно как от сковородки без ручки. Вроде бы и есть она, но приготовить на ней что-то путное сложно.

В школу Александр провожал Аню сам, а забирала Людмила Михайловна. Учились дети с восьмью тридцати, и Бесов отводил дочь к восьми, а затем бежал на работу в институт — первая пара начиналась в девять, и чаще всего нужно было ещё успеть с кем-нибудь поговорить перед занятиями. Ну или хотя бы быстро выпить кофе — дома Александр обычно толком ничего не успевал по утрам, больше занимаясь сборами Ани.

По пути в школу на этот раз ребёнок выдал:

— Пап, слушай, я вчера с бабой Люсей говорила...

— Угу, — вздохнул Александр. Он отлично понимал, что Людмила Михайловна не могла остаться в стороне после появления Жанны. Жалея Аню, её няня всегда старалась сгладить углы, но при этом и не идеализировать, как она выражалась, «кукушку».

— В общем, ты меня неправильно понял, — сказала Аня,

шмыгнув носом. — Я хочу, чтобы мама жила поближе, чтобы чаще её видеть. Но я не хочу, чтобы она жила с нами!

— Да? — сонно удивился Бесов. Утренняя мартовская прохлада, естественно, бодрила, но не до такой степени, и он ещё не окончательно проснулся — слишком плохо спал ночью. Говорят, именно так и подкрадывается старость — вместе с бессонницей. — А я думал, хочешь.

Аня порой удивляла его не по годам взрослыми рассуждениями. Впрочем, наверное, это нормально, ведь основным кругом её общения были папа-преподаватель в вузе и пенсионерка Людмила Михайловна. Со сверстниками Аня общалась, но гораздо меньше, чем с отцом и няней. И если был выбор, с кем погулять, ни за что не предпочла бы одноклассников отцу или Людмиле Михайловне.

— Нет, — помотала головой дочь. — Мама... Она как праздник. С ней весело. Но праздник не может быть всегда, иначе он станет уже будень.

— Будний день, — машинально поправил Аню Бесов.

— Ага. Мама не может быть бу... будним днём. У неё не получается, она хочет праздник. А у нас с тобой не получится всё время её развлекать. Мы с тобой — серьёзные люди.

Александр остановился и засмеялся, глядя на своего маленького «серьёзного человека».

Аня тоже улыбнулась, а затем подмигнула. Она не озвучила то, что было очевиднее всего, но Бесов и так знал, что дочь всё понимает.

Мама уже бросила их однажды, и ни у Александра, ни у Ани не было желания переживать это ещё раз. Она действительно женщина-праздник, тогда как они оба — всего лишь серые будни.

— Ладно, пошли в школу, серьёзный человек, — хмыкнул Бесов и поправил на голове у Ани ярко-оранжевую шапку с тремя малиновыми помпонами — прошлогодний подарок Людмилы Михайловны.

Арина

План был прост и прекрасен: проснуться по будильнику, спокойно собраться, позавтракать и отправиться на расстрел... то есть идти узнавать новую тему диплома. Отличный план, надёжный, как швейцарские часы. И он бы сработал, но жизнь распорядилась иначе.

В три часа ночи нас разбудили звонок и сонные ругательства Риты, забывшей выключить звук на телефоне. Мать Риты была не менее энергична, чем дочь, и куда более тревожна. Она могла названивать по десять раз на дню, не сверяясь ни с учебным расписанием Риты, ни со здравым смыслом. Студенческое общежитие казалось ей рассадником всевозможных пороков, от алкоголизма до проституции, и для собственного душевного спокойствия Ритиной маме жизненно необходимо было постоянно звонить, дабы удостовериться, что её единственная и горячо любимая доченька не подседала на наркотики, не связалась с плохими мальчиками, не спилась... И так далее и тому подобное. Диву иногда даёшься, что у людей в головах творится.

Разговор Риты с матерью не продлился и минуты, но сон после этого не шёл, и задремать мне удалось лишь ближе к рассвету. В итоге, когда зазвонил будильник, я умудри-

лась выключить его, не приходя в сознание, чтобы спустя час подскочить как ошпаренная. Мне понадобилось три минуты, чтобы собраться, и ещё девять — чтобы добежать до института. Мой личный рекорд. Жаль, что сил порадоваться своей отличной спортивной форме у меня не имелось. От нехватки кислорода лёгкие горели, в боку кололо, а голова кружилась. Пытаясь унять дыхание, я замедлила шаг, подходя к нужной двери.

— Мельникова, ваши судорожные хрипы даже на лестнице слышно. — Будь у меня силы, я бы подскочила от неожиданности. А так только сильнее сгорбилась, будто пытаюсь стать маленькой и незаметной. Заведомо провальная тактика. — Не вздумайте помереть тут, пока не защититесь. Вы по утрам марафон бегаете, что ли?

— Доброе утро, Александр Андреевич, — поздоровалась я как можно более нейтральным и менее задышающим голосом. Получалось откровенно плохо.

— Да если бы доброе, — на меня посмотрели с насмешкой. На секунду показалось, что его взгляд задержался на моей груди, и я на всякий случай тоже опустила туда взгляд. Чёрт! Так я и думала, что Бесов не мог просто так таращиться на мои мощи! Всё-таки впопыхах я умудрилась перепутать толстовки и надеть не ту, которую собиралась. У меня их было две — одна обычная тёмно-зелёная, а другая с надписью: «Я чувствую себя как функция арктангенса, которая приближается к асимптоте». М-да... Это я почти по Фрейду

ошиблась...

Пока я рассматривала свою толстовку, Александр Андреевич начал отпирать дверь в лабораторию, продолжая говорить:

— Вчера вечером я успел перекинуться парой слов с начальником группы по вашему поводу. — Дверь наконец открылась, и преподаватель первым переступил порог. — Заходите.

Единственное, чего мне сейчас хотелось, — это лечь. Возможно, сдохнуть. Честное слово, в следующий раз лучше опоздаю, чем буду так издеваться над своим организмом. Пора начинать думать о здоровье — всё же уже не семнадцать. Конечно, и не двадцать семь, но...

Сесть мне не предложили, поэтому оставалось изображать из себя шатающийся столб, пока Бесов поднимал жалюзи на окнах, включал электрочайник, а затем и компьютер, просматривал и раскладывал какие-то бумаги на своём столе. Всё это походило на отработанный годами неспешный утренний ритуал. В этом было даже что-то домашнее и уютное. Так, совсем немного.

Однако реальность быстро напомнила о себе.

— Отдышались? Прекрасно. — Похоже, ответа от меня и не ждали. — Теперь давайте разберёмся, что вы за фрукт. Садитесь и доставайте ручку.

На стол легли чистые листы формата А4. Ничего не понимая, я молча достала ручку из рюкзака и подняла вопроси-

тельный взгляд на Бесова.

— Дипломников я беру редко и если уж беру, то делаю всё, чтобы после выпуска это были первоклассные специалисты. Сейчас я с вами пробежусь по теории, потом посмотрим, что вы можете по задачкам, ну и несколько вопросов личного характера, — с каждым его словом мои глаза делались всё шире и шире. — Это я проделываю со всеми своими дипломниками в самом начале работы. Все они успешно пережили диплом и выпустились, так что сделайте лицо попроще. Вопросы есть?

— Да. Зачем вам мой характер?

— А умные вопросы есть? Хотя о чём это я...

— Александр Андреевич, вас разорвёт, что ли, если вы хоть раз ответите на мой вопрос?! — воскликнула я и тут же зажала рот ладонью. Бес удивлённо посмотрел на меня и чуть подался вперёд. Чёрт, да он меня сейчас в линолеум вкатает...

— Ну что ж, — хмыкнул он после секундной заминки, — характер определённо есть. Давайте теперь посмотрим, что там с мозгами. Напиши-ка мне...

Следующие полтора часа он гонял меня вдоль и поперёк по всем кафедральным курсам. И двухразрядный буфер из базовых элементов ему нарисуй, и закон Фарадея ему напиши, и про лавинные фотодиоды ему расскажи. К своей чести могу сказать, что ответила почти на половину всех вопросов. Правда, на каждый неотвеченный я получала «лестные»

комментарии вроде: «Даже семиклассник в школе для дебилов мне расскажет про дозиметры лучше вас», или: «Боже, как вы вообще добрались до пятого курса?»

О проценте решённых задач мне оставалось только догадываться. Любое моё решение Бесов быстро пробежал глазами, саркастично ухмылялся и давал следующую задачу. Чёрт, ну не могла же я всё решить неправильно!

К концу нашего импровизированного экзамена мне казалось, что мой мозг выели чайной ложкой. Мне было уже безразницы, какая там тема, будет ли вообще диплом, каков вердикт... Да-а-а, к такому жизнь меня точно не готовила. Но выяснилось, что и это ещё не всё.

Арина

— А теперь узнаем немного о вас. — Бесов с каким-то садистским удовольствием откинулся на спинку стула и посмотрел на меня. — Назовите мне, пожалуйста, десять своих профессиональных навыков.

— Что? Зачем?

— Затем. Мельникова. Вы одиннадцать лет провели в школе. Потом поступили сюда и уже почти пять лет проучились. Наверняка ещё на кружки какие-нибудь ходили. Так вот. Есть люди, которые выкидывают из головы полученные знания, едва выходят из класса, а есть те, кто ими с умом пользуется. Мне интересно, использовали ли вы все эти годы для того, чтобы овладеть хоть какими-то реальными навыками, или просто штаны шестнадцать лет протирали.

Боже, да он не Бес — он псих какой-то. Какое ему дело до моих навыков, да и что я умею-то?..

— Ну же, я жду. — Похоже, Бесов принял мою растерянность за то, что мне нечего ответить. — Вы умеете хоть что-нибудь? Крестиком вышивать? Посуду мыть?

Так, Арина, сосредоточься.

— Я могу преподавать школьную алгебру и геометрию, на данный момент у меня даже есть несколько учеников. Могу

быть хореографом — ставить танцы или преподавать классическую хореографию детям.

— Неожиданно, — мужчина даже окинул меня каким-то новым оценивающим взглядом. Интересно, что он надеется найти? Что у меня из-под толстовки вылезет балетная пачка? — Неужели у вас есть хореографическое образование?

— Да. Я девять лет занималась балетом, — невольно даже спина распрямилась. Ух, как я могу. Но что ж ещё назвать?.. — Пяять умею. Могу работать няней, — притянуто, конечно, но сидела же я с Верой в детстве. Так, что бы ещё такое придумать? — Посуду, кстати, тоже умею мыть. А вот с вышивкой крестиком не сложилось. — Я позволила себе саркастическую усмешку, но, видит бог, этот человек меня доконал своими нескончаемыми придирками и непонятными вопросами. — Готовить могу. Вкусно.

— Отлично, Мельникова. Даже не ожидал, что в вас скрывается столько талантов. Но вы назвали восемь навыков. — Бесов сложил руки на груди. — Остались ещё два.

— Я умею писать дипломные работы, Александр Андреевич. И сдавать их на «отлично».

Мы сцепились взглядами, и в какой-то момент мне показалось, что преподаватель вновь отпустит один из своих уничижительных комментариев в мой адрес, но он лишь хмыкнул и встал.

— Что ж, совсем скоро мы это узнаем. А сейчас к делу. Вон тот стол теперь будет вашим рабочим местом, учётка

там стоит студенческая, без пароля, заведёте в «корне» папку под своим именем и вперёд. Весь необходимый САПР там установлен. Приходить можете в будни, к первой паре. Поначалу будет достаточно и пары дней в неделю, дальше — посмотрим. По поводу темы... — Бесов побарабанил пальцами по столешнице. — Думаю, мы с вами вполне успеем сделать полиграф.

— Полиграф? — Мои глаза расширились. — Собрать за три месяца детектор лжи?!

— Да. Вы знаете принцип его работы?

— Не очень, — растерянно ответила я. Тема диплома звучала интересно и заманчиво: всё же создать такой агрегат с нуля, в железе.... Но сердце (сердце я сказала, а не другие места!) чуяло подвох. — Наверное, нужны будут датчики дыхания, сердечного ритма, но я...

— Отрадно видеть, что вам не чужды мыслительные процессы. — Вот какого чёрта он меня перебивает?! — Тогда встретимся послезавтра в это же время. Жду от вас более полного ответа и возможные пути реализации. Я вас не задерживаю, — и мне кивком указали на дверь.

Из института я выходила со смешанными чувствами. Вроде всё прошло неплохо, но что-то мне подсказывало, что всё самое «весёлое» ещё впереди.

Александр

Про Мельникову Бесов вспомнил, уже подходя к институту. И даже чертыхнулся — хотел попить кофе, но вместо десятиминутного покоя придётся разговаривать с этой горе-студенткой. И так неожиданно стало всё раздражать и даже бесить, что Александр вновь подумал — а может, и правда отдать этой Арине готовый диплом? Не мучить ни её, ни себя...

Но потом появилась сама студентка, взмыленная и запыхавшаяся, с растрепавшейся косой и глазами человека, который умудрился на сверхскорости взлететь в последнюю электричку, — и Александр понял: не прокатит. Была бы не такой серьёзной и принципиальной, конечно, ухватила бы за подобную возможность с радостным визгом студента-халявщика. А эта девчонка явно собирается рвать жилы, недосыпать, недоедать — но написать диплом сама. На новую тему, да. Сумасшедшая? Ну, возможно, однако Александр её понимал. Он и сам всегда был таким, и для него предложение преподавателя взять готовую работу и, по сути, выдать её за свою стало бы ярчайшим оскорблением.

Что ж, подобная позиция по крайней мере заслуживала уважения. И, возможно, Бесов бы выразил его, будь эта де-

вочка мальчиком. Но с Мельниковой, как и с прочими студентками, он предпочитал не миндальничать. Не дай бог вызвать у этой Арины романтические чувства! Она будет страдать, ему будет неловко. Нет уж, пусть лучше девчонка считает Александра кем-то вроде монстра и тихо ненавидит — так всем проще жить.

Два года назад — аккурат через год после развода с Жанной — Бесов напоролся на одну такую «поклонницу» из числа выпускниц и едва не поседел, старательно отделиваясь от её навязчивых притязаний на его честь. Девчонка была почти без тормозов. Хотя почему «почти»? Абсолютно без них. И навязывалась по-всякому — и с вопросами подходила, чтобы во время ответов глазки построить, и угощала чем-нибудь в присутствии всей кафедры, и даже после занятий подкарауливала, пытаясь поговорить и пригласить на более приватную встречу. Бесов изо всех сил строил из себя утюг — ничего не понимающий, железный, но бурлящий внутри от возмущения. И когда девчонка совсем потеряла берега и начала прижиматься к Александру на парковке института, Бесов потерял терпение и, шипя, высказал ей всё, что долго кипело внутри. Причём теперь он даже не мог припомнить, что именно говорил, — перед глазами тогда красная пелена стояла. Но студентка впечатлилась и подкатывать перестала. Потом защитила диплом — и наконец убралась из института, к облегчению Александра.

Мельникова производила впечатление адекватного чело-

века, но кто её знает? И самые адекватные теряют связь с реальностью, когда влюбляются. Далеко ходить не надо — Бесов и сам потерял эту связь, встретив Жанну. Теперь он отлично понимал, насколько плохой идеей был этот брак. Как говорится, большое видится на расстоянии... Но теперь Александр подобной ошибки не совершит.

Поэтому хоть как-то проявлять человечность к Мельниковой Бесов не собирался. Упрямая, целеустремлённая — значит, пусть сама всё пишет. И контактировать нужно по минимуму, особенно учитывая тот факт, что Александр уже пятый месяц строил из себя девственника.

До этого он почти полтора года изредка, где-то раз в две недели, встречался со своей бывшей одноклассницей Леной Варшавской. Она тоже, как и он, была замужем несколько лет и потом крайне болезненно развелась, когда муж заделал ребёнка на стороне, пока она пропадала на работе. Варшавская была врачом-хирургом и фанатом своего дела. «С моей работой любые отношения обречены на фиаско», — пошутила она, рассказывая Бесову историю своего неудачного брака на встрече одноклассников. Он тогда пошутил в ответ, заявив, что не любые — необременительные точно можно попробовать. И Лена, задумавшись, зачем-то попросила телефон Александра. Бесов дал без задней мысли — ну мало ли, почему бы и не обменяться контактами, тем более с хорошим хирургом? И обалдел, когда через неделю Варшавская позвонила и предложила ему те самые необременительные

отношения.

Поначалу Бесов отказался. Во-первых, он подобное не практиковал и считал, что начинать уже как-то поздно. Во-вторых, Лена не вызывала у него каких-то особенных чувств. Да, симпатичная, но Александр слишком хорошо помнил, какой плаксой она была в первом классе. Ну и, в-третьих, его тогда ещё не поджимало — всё же развод с Жанной случился не настолько давно, чтобы изнывать от спермотоксикоза.

Однако время шло. Наступила весна, женщины на улицах начали раздеваться, и Бесов, в очередной раз залипнув взглядом на чьей-то груди в парке, осознал: надо что-то делать. Вечером позвонил Варшавской и уточнил, в силе ли ещё её предложение.

— В силе, Саш, — хмыкнула она. — Если есть желание, приезжай сегодня часам к семи, я как раз дома.

Желание у Бесова было, и он, договорившись с Людмилой Михайловной, поехал к Лене. Первое смущение от странности ситуации ушло быстро, и в дальнейшем Александр с удовольствием продолжал эти «отношения». На ночь он не оставался ни разу — зачем? Иногда он у Варшавской ужинал, но редко — заниматься сексом на сытый желудок Бесову не нравилось. Вот после можно было и поесть, но Александр всё же предпочитал делать это дома, вместе с дочерью и Людмилой Михайловной.

И всё было бы прекрасно и дальше, но примерно полгода назад Лена вдруг начала отказывать ему во встречах, а потом

призналась, что встретила мужчину. У себя на работе, в той же больнице, — пришёл к ним заведующим и неожиданно начал ухаживать. Варшавская поначалу насторожилась, но потом, узнав, что поклонник пару лет как в разводе, решила дать ему шанс.

— Ну ладно, — кивнул тогда Бесов. — Как надоест он тебе, звони.

Однако через три месяца Варшавская позвонила, чтобы пригласить Александра на свадьбу, и, услышав в трубке ошеломлённое молчание, засмеялась:

— Да-а-а, я сама в шоке, Саш! Но вот, решила попробовать. Не все же такие козлы, как мой бывший муж. Ты, например, отличный человек.

— Я отличный, но регулярного качественного секса ты меня лишила, — съязвил Бесов, улыбнувшись. Он был, конечно, рад за Варшавскую, но увы — её замужество создало для него дополнительные проблемы. Он-то рассчитывал, что Ленка перебесится и вернётся в его постель, однако у судьбы возникли другие планы. Теперь нужно было искать новую любовницу.

Где и как это делать, Александр не имел понятия. В ночном клубе? Ещё интимную болезнь подхватишь, потом лечиться замучаешься. В институте? Вообще не вариант, и даже не надо объяснять почему. На сайте знакомств? Тот же вопрос с интимными болезнями. Ленка Варшавская, как ни крути, была идеальным вариантом — и других подобных

знакомых у Бесова, увы, не было.

Но придётся что-то делать. Потому что, как это ни при-
скорбно было признавать, но утром, глядя на крошечную
грудь Мельниковой, надёжно спрятанную под чёрной тол-
стовкой с фразой из «Теории большого взрыва», Александр
отчётливо ощутил собственное желание проверить, какое у
Арины под кофтой бельё.

Арина

Комната встретила меня тишиной. Редкий случай. Рита если не загуляла, то ушла на пары, Настя точно была на подработке. Посмотрев на часы, я решила до обеда заниматься подготовкой к уроку с ученицей, а уж после — вплотную сесть за диплом. Но сначала всё-таки в душ — после утреннего спринта пахло от меня как от вонючих носков многолетней выдержки.

Душевые располагались на первом этаже — дверь из общего коридора вела в раздевалку, где можно было оставить вещи и пройти к кабинкам, отделённым друг от друга перегородками. Дверь в мужскую душевую была по соседству с женской, что иногда приводило к разнообразным пикантно-юмористическим ситуациям. Например, прошлой осенью какой-то глупенький первокурсник решил, что будет забавно «по ошибке» зайти в женскую раздевалку, дабы смутить девушек и получить эстетическое удовольствие от подсмотренного, но по роковой случайности в тот момент там была лишь Леночка с четвёртого курса. Леночка в жизни любила лишь три вещи — секс, пиво и дзюдо, которым профессионально занималась с пяти лет. Так что незадачливый шутник вырвался из женской душевой лишь спустя полчаса с совер-

шенно безумным видом и порванной футболкой. Но такие случаи были довольно редкими, и со мной, например, подобных «душевых» историй за все пять лет проживания здесь ни разу не приключалось.

Вообще большинство конфликтов в общежитии решалось «по-свойски» — не составляло никакого труда быстро вычислить комнату, где проживает тот или иной студент, и это дисциплинировало порой лучше грозных окриков коменданта, который, впрочем, тоже не зря ел свой хлеб и бдил за порядком. В меру своих сил, разумеется.

Приняв душ, чистая и довольная, я отправилась в свою комнату и, как раз когда открывала дверь, услышала за спиной самый мерзкий в мире голос:

— Расквadrat твою гипотенузу, какая встреча! Как дела, любовь моя?

Обернувшись, я увидела привалившегося к противоположной стене Кирилла. Чего душой кривить, парень был высок, мускулист, красив. Но debil, каких поискать.

— Кир, вот не до тебя сейчас, честно. — Сегодня выдалось явно не моё утро, но у меня ещё оставались небольшие надежды на день и вечер. — Иди куда шёл.

— Какая ты злая. — Кирилл медленно направился ко мне. Наверное, он хотел, чтобы его приближение выглядело соблазнительно и вальяжно, но меня не впечатлило. — Хочешь, помогу улучшить настроение? Окажу, так сказать, дружескую услугу.

С трудом подавила желание пнуть этого дегенерата побольнее.

— Окажи мне услугу, сгинь в туман, — прошипела я и юркнула за дверь, быстро закрыв её на замок. Вот ведь! Всего месяц назад вернулся из академа и уже так раздражает — просто талант у него. И, как назло, после восстановления его поселили на нашем этаже.

С Кириллом я познакомилась на первом курсе сразу же после заселения. Новый город, новая жизнь, новые знакомства — запах свободы пьянил безо всякого алкоголя. Красавцу второкурснику ничего не стоило вскружить мне голову — парень захаживал к нам в комнату каждый день, был щедр на комплименты, шутки и улыбки. А также на прикосновения и поцелуи. Его очень веселили моё смущение и неопытность, а я краснела и мучилась — он мне действительно был очень симпатичен, но ощущение какой-то неправильности происходящего не позволяло зайти в наших отношениях дальше поцелуев.

Однажды Кирилл позвал меня к себе в гости — тогда он ещё жил на другом этаже. Соседей в комнате не оказалось, зато был выключен свет и задёрнуты шторы. Как только я зашла, меня тут же прижали к стене и начали целовать в губы, шею и дальше по списку, руками оглаживая бока, залезая под футболку и шепча что-то дежурно-нежное. Растерявшись, я на долю секунды застыла, а после что есть сил начала отталкивать Кирилла. В ответ он только вздёрнул мои

руки над головой, сжав запястья в кулаке. Пытаясь вырваться, я шёпотом просила его остановиться — от страха горло перехватило, и каждый вдох давался с трудом, — а Кирилл как будто нарочно игнорировал мои слова, в промежутках между поцелуями засыпая меня совершенно неуместными и чужеродными теперь комплиментами. Едва соображая от ужаса, я со всей силы укусила его за шею. И тут удача мне улыбнулась — от неожиданности Кирилл чуть взвизгнул и отскочил, обиженно поглядев на меня, как будто вся эта ситуация была нормальна и он не сделал ничего плохого. Адреналин в моей крови зашкаливал, когда я выскочила в коридор и на всех парах понеслась в свою комнату. Перепугала соседок, хлопнув дверью, закуталась в одеяло по самый нос и разревелась.

С тех пор прошло больше четырёх лет. За это время я успела узнать, что весь этот фарс был частью спора между Кириллом и его соседом — парни хотели выяснить, кто из них уложит в постель большее количество первокурсниц. Кстати, Кирилл тогда проиграл — слишком много времени ушло на ухаживания за мной, да и многие другие студентки тоже не спешили переводить отношения в горизонтальную плоскость, а уж когда правда выплыла наружу... Вот тогда я впервые узнала, что такое «женская солидарность». Оскорблённые девушки и даже некоторые сочувствующие им старшекурсницы не упускали ни единого случая насолить горе-любовникам. Подсыпали им сахар в суп во время го-

товки, мазали зубной пастой дверную ручку, подкалывали в разговорах. Конечно, долго эти диверсии не продлились, но урок был усвоен. К сожалению (или к счастью), я не участвовала в этом — меня ещё с полгода потряхивало от одного вида Кирилла, а уж специально к нему приближаться — да ни за какие коврижки.

После того злополучного вечера за мной неоднократно пытались ухаживать, но, обжёгшись на Кирилле, я теперь на всех парней смотрела с подозрением. А вдруг это очередной обман? Да и воспоминания о чужих руках на своём теле до сих пор вызывали желание залезть на ближайшую сосну, какие уж там отношения.

Александр

Пара дней, оставшихся до выходных, пролетела быстро, и наконец настал вечер пятницы. За это время Бесов даже умудрился почти забыть о «возвращении» Жанны, поэтому, увидев после вкусного ужина, приготовленного Людмилой Михайловной, входящий звонок от бывшей жены, пару секунд удивлённо смотрел на экран. И только потом, вздохнув, принял вызов, кинув быстрый взгляд на Аню, которая в этот момент что-то рисовала в альбоме цветными восковыми мелками. Рисовать она любила не меньше, чем заплетать косички. Правда, сейчас Александр в кои-то веки щеголял не с ними, а с тремя короткими хвостиками по бокам, как у годовалого ребёнка.

— Алло.

— Привет, дорогой, — мурлыкнула в трубке Жанна. — Хотела договориться насчёт завтра.

— Угу. Я привезу Аню к полудню в «Твист», ей нравится это кафе. Ты помнишь, где оно?

— Помню, — продолжала мурчать бывшая жена. — Но, дорогой, я всё-таки хочу сначала зайти к вам. У меня подарок для Ани.

— Отдашь его в кафе.

— Так не получится. Он большой, его надо сразу в квартиру заносить.

Александр насторожился.

— И что это?

— Так я тебе и сказала, — фыркнула Жанна. — Увидишь. Ей понравится.

Бесов мгновение колебался — лишний раз допускать бывшую жену на территорию своего дома совсем не хотелось. Но Жанна, как правило, действительно делала Ане хорошие и дорогие подарки. Женщина-праздник, она знала толк в том, что следует подарить.

Глагол «заносить», правда, Александру по вкусу не пришёлся, настораживал. И почему-то сразу вспомнился старый советский фильм «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён», где завхоз ходит за начальником пионерского лагеря с плакатом и постоянно гаркает: «Куда ставить-то?!»

— Ладно. Тогда приезжай к половине двенадцатого.

— Хорошо, — томно вздохнула Жанна и положила трубку.

Александр

Если бы Александр знал, что именно — точнее, кого — бывшая жена притащит с собой в субботу утром, он бы отказался ещё накануне вечером. Тем более что теперь, когда Аня уже увидела свой «подарок», уговорить её отдать его матери обратно было почти нереально.

И теперь Бесов, скрипя зубами, наблюдал за тем, как дочь, восторженно попискивая, играет в прихожей с толстощёким щенком сенбернара.

— Его зовут Алтай, — с широкой медовой улыбкой сказала Жанна, глядя на Аню сияющими глазами. — Такое имя дала заводчица. Но, Анют, ты можешь придумать и другое имя.

— Не надо другое, мне нравится! — помотала головой девочка. — Пап, Алтай — это же где-то в Сибири?

— Ух ты! — искренне поразились Жанна. — Крошка, ты разбираешься в географии?

Аня, уткнувшись подбородком между ушей щенка, посмотрела на мать с укоризной.

— Конечно, мам. Мы с папой и бабой Люсей смотрим разные познавательные фильмы. Про океан, космос, путешествия...

— Умница, — умилилась Жанна, и Александр не удержался от тихого смешка. Его крайне забавлял тот факт, что бывшая жена по-прежнему общалась с Аней в таком тоне, словно дочери было пять лет. — Ну ладно, ты поиграй с Алтаем, а мы с твоим папой поговорим в комнате...

Бесов даже отреагировать толком не успел, как Жанна, подхватив его под руку, действительно утащила их обоих в гостиную. А там, не дав опомниться — видимо, понимала, чем ей это грозит, — обняла, обвив руками шею, прижалась и поцеловала в губы.

Организм Александра отреагировал весьма недвусмысленно — всё же пять месяцев без женщины, а Жанна была физически очень привлекательной. Но то организм. Желания тела — это, конечно, хорошо, но не членом единым должен думать мужик. По крайней мере, Бесову всегда так казалось. Не животные ведь, чтобы инстинктами жить.

Поэтому он отстранился и, оторвав Жанну от себя, как клеща от собаки, прошипел:

— Ты что творишь?!

— А что тебе не нравится? — выдохнула бывшая жена, извиваясь всем телом, особенно бёдрами, и хихикнула. — Нет, я даже чувствую, что нравится... Хочешь, я после прогулки с Аней приеду и останусь на ночь? Сделаем приятное друг другу.

Соблазн был — Бесов не стал бы этого отрицать. Но Жанна ведь как репей: стоит один раз пустить её в дом, чтобы

просто заняться ни к чему не обязывающим сексом, как потом от неё фиг отделаешься.

— Это называется «физиология», Жанн, и не значит практически ничего, — ответил Александр ровным голосом. И едва не зарычал от бесцеремонности бывшей супруги, которая опустила руку и провела ладонью по его паху. — Так, прекращай.

— А иначе что? — вновь хихикнула Жанна, облизнув ярко-алые губы. Она любила такую помаду. — Закричишь, как скромная студентка, которую зажимает в углу похотливый преподаватель? Вот, кстати, очень интересно, не начал ли ты шпилить студенток в моё отсутствие...

— Конечно, стал, — съязвил Александр и, развернувшись, отшвырнул от себя Жанну так, чтобы она упала на диван. Бывшая жена издала негромкий возглас от неожиданности и открыла рот, глотая воздух. — Каждую неделю по студентке, всех совершеннолетних уже перешпилил, того и гляди член сотрётся. Жанн, ты в своём уме? — Бесов, оглянувшись на прихожую, ещё понизил голос. — Ты чего вытворяешь? Хочешь, чтобы Аня нас застала, что ли? Ну так зря стараешься — наша дочь умная девочка, она на этот спектакль не купится.

— Саш, — Жанна состроила жалобное лицо, — ну извини, я просто очень хочу вновь быть с тобой и с Аней. И вообще жалею, что уехала!

— Устрицы не понравились? — хмыкнул Бесов, покачав

головой. Но не дал бывшей супруге шанса развить тему, продолжив: — В общем, так: сейчас идёте с Аней гулять, возвращаешь её через несколько часов. Лучше к обеду, часам к двум-трём. Мороженое не есть! Она от него зимой сразу заболевает.

— Сейчас весна.

— Это в Италии весна. А в России март — это зима. И, Жанн, имей в виду — в квартиру я тебя больше не пушу. Никаких подарков! Мне твоего Алтая лет на пятнадцать вперёд хватит. Додумалась, собаку дарить. Животных вообще дарить нельзя — они не игрушки!

— Но Аня ведь хотела щенка, — надулась Жанна. — Ты не прав, Саш.

— Ещё больше, чем собаки, Ане нравятся жирафы, — почти серьёзно заметил Александр. — Она их коллекционирует. Плюшевые, фарфоровые, стеклянные, пластиковые — полно уже разных. Живого только не хватает.

Жанна поначалу продолжала дуться, но потом не выдержала и засмеялась, закрывая лицо руками.

— Бесов, ты в своём репертуаре...

— Я могу вернуть тебе этот комплимент — ты тоже. Всё, иди. Там Аня наверняка уже сапоги напялила. И щенка с собой заберите, ему прогулка не повредит.

— Ой, нет, — тут же перепугалась Жанна. — Лучше вы с ней сами. Я собак побаиваюсь, ты же знаешь. Тем более он мелкий, ещё пальто мне описает ненароком...

Александр только тихо хмыкнул.

Тоже мне, дарительница... И коварная соблазнительница бывших мужей.

Но за одно Жанне нужно было сказать спасибо: Бесов окончательно осознал, что проблему с отсутствием интимной жизни нужно решать как можно быстрее.

Арина

Я исправно ходила на кафедру в дни, назначенные Бесом. Поначалу было страшно. Но присутствие его коллег придавало мне храбрости — не будет же он убивать меня при свидетелях, — и уже неделю спустя я почти без робости подходила к Александру Андреевичу с вопросами, аккуратно выписанными в тетрадку. Надо сказать, работа преображала Бесова. Если со студентами он был отстранённо-угрюмым, то в лаборатории словно снимал маску. Я чуть ли не с раскрытым ртом наблюдала в первые дни, как Александр Андреевич подкалывает коллег и сам смеётся над их шутками. Как он без такой привычной мне язвительности отвечает на вопросы вчерашних выпускников — ребят, которые были на курс меня старше. Кстати, в эту научную группу шли именно те, кто потом хотел работать по специальности и хорошо зарабатывать. Лет десять назад на её базе сделали научно-производственное объединение, а по сути — частную фирму, занимавшуюся разработкой и тестированием электроники. Спрос на услуги этой фирмы был настолько высок, что руководство могло позволить себе даже вчерашним студентам поставить оклад вдвое больше, чем на том же радиозаводе. Правда, и работать приходилось на совесть, переработки тут

были скорее нормой, но — опять же — нормой щедро оплачиваемой. Бесов одним из первых пришёл в новое объединение и сейчас был заместителем технического директора. И хоть я по-прежнему не могла бы назвать его ни мягким, ни добрым, но здесь... это была далеко не та холодная язвительность с примесью высокомерия, которая доставалась нам на лекциях. Правда, мои диалоги с ним выбивались из общей благостной картины.

— Александр Андреевич, хотела уточнить по поводу датчиков... — начала я, подходя к столу Бесова.

— Что, Мельникова, разучились пользоваться лекциями? — Синие глаза смотрели на меня с усталым скепсисом.

Интересно, он когда-нибудь перестанет отвечать на любые мои реплики гадостью?

— Датчики дыхания как отдельный класс вы нам вообще не давали, а датчики сердечно-сосудистой активности лишь краем затронули, — в тон ему ответила я. — Мне удалось найти кое-какие научные статьи на эти темы, но мой технический английский далёк от идеала, поэтому мне пришлось неделю убить только на их перевод.

— И что интересного узнали? — Бесов откинулся на спинку своего компьютерного кресла и склонил голову набок.

— Узнала, что датчики дыхания работают на разных физических принципах, поэтому хотела спросить вас, какой из них больше отвечает нашим целям.

Мельком заглянув в мои распечатки и записи, Бес посмотрел на меня своим фирменным — «ну что за идиотка стоит передо мной!» — взглядом.

— Ну что ж, давайте поговорим про цели, — протянул он. Отлично, опять будет развлекаться за мой счёт. — Какая у нас цель?

— Сделать полиграф.

— Отлично. А из чего состоит полиграф?

— Из датчиков дыхания, сердечно-сосудистой активности и проводимости кожи. — Чтоб тебе облезть и неровно обрасти, Бесов. — Их прикрепляют на тело человека, и все данные с датчиков должны оцифровываться и выводиться на компьютер, фиксируя изменения показателей. А враньё должны сопровождать резкие скачки всех показателей.

В идеале, конечно, нужен ещё специально обученный психолог, который сможет правильно интерпретировать и полученные данные, и поведение испытуемого, но где я его достану? Будем справляться сами.

— Чудесно, раз уж вы в своём первом пассаже не упомянули про датчик проводимости кожи, надо полагать, с ним проблем нет?

— Да, то есть нет, — на мгновение сбилась я. — В общем, с ним всё вышло довольно просто, — я раскрыла перед Бесом тетрадь со схемой и расчётами, — мне удалось найти нужную схему, а тут записаны компоненты из доступных.

Бесов на пару минут погрузился в чтение, а после снова

откинулся на спинку кресла.

— Ну что ж, выглядит как рабочий вариант. — Я с удивлением воззрилась на макушку Александра Андреевича. От него подобные реплики... да это ж почти похвала! Неужели?! — А что с остальным?

— Вот, — я отыскала нужные распечатки статей на английском с подчёркнутыми и подписанными карандашом местами, — тут есть, например, про реализацию датчика дыхания на основе температурного датчика...

— Про это можете сразу забыть.

— Но почему? Там можно и объём выдыхаемого воздуха померить, и... — удивилась я.

— Такие вещи применяются в основном для новорождённых, — снова перебили меня. Традиция, блин. — Опять же, маска на лице — не слишком приятный и удобный аксессуар, который перекрывает мимику испытуемого и мешает нам оценивать его поведение во время опроса. Мы же с вами хотим не второсортную поделку, а машину, за которую будет не стыдно сесть и профессиональному полиграфологу?

Пока я мучительно пыталась понять, считать ли последнюю фразу очередной подколкой или же он действительно думает, что я могу создать такую машину, Бесов невозмутимо продолжил:

— Так, один вариант я вам убрал. У вас осталось два. Что же до сердечно-сосудистой активности... — тут он резко наклонился ко мне и взял всю стопку статей и заметок, кото-

рые были у меня в руках. Я так удивилась, что не сразу сообщила разжать пальцы и чуть не упала на него. Чтобы хоть как-то скрыть смущение, начала лихорадочно теревить свою и без того растрёпанную косу, вызвав очередную усмешку. Конечно, ему лишь бы посмеяться. Вот ведь Бес. Но обаятельный... Растудыть твою налево, Арина, соберись!

— Вот этот, этот... и этот вариант гляньте повнимательнее. — Рядом со мной на стол легли несколько статей, остальные же были небрежно свёрнуты в трубочку и переданы мне в руки. — Может, до чего путного додумаетесь.

Арина

С кафедры я приползала, как правило, с головной болью и настроением в районе нуля. Раньше Настя с Ритой оперативно отпаивали меня чаем, отвлекали разговорами... Словом, до следующего раунда с Александром Андреевичем мне удалось восстанавливать душевное равновесие, но жизнь решила в очередной раз сделать крутой вираж.

Крики соседок я слышала ещё с лестницы и ускорила. Уже на этаже я, наконец, различила третий голос и буквально влетела в комнату, чтобы застать, по всей видимости, завершение ссоры.

Настя, вся всклокоченная, стояла посреди комнаты и зло смотрела на девушку напротив, в которой я с трудом узнала нашу четвёртую соседку Диану. А она тут что забыла? С парнем, что ли, поссорилась?

Рита, по своему обыкновению, сидела на кровати, но от её обычной расслабленности и следа не осталось. Она вся подобралась, как перед прыжком, и очень недобро глядела на Диану со второго этажа двухъярусной кровати. Отлично, только пикирующего электроника нам тут не хватало.

— Хочешь тут жить? Живи! — чуть ли не рычала Настя.
— Вон твоя кровать, твою полку в шкафу — одну полку —

мы освободим, не вопрос. Но, если ты, курица облезлая, ещё раз своим исподним перед Женькой сверкнёшь, я тебе задницу с головой местами поменяю и скажу, что так и было!

— Что? Боишься конкуренции? — подняла смоляную бровь Диана. Надо сказать, выглядела она действительно эффектно. Если красота Насти казалась мягкой и гармоничной, то Диана была совсем из другого теста — слишком большой рот, накрашенный бордовой помадой, огромные чёрные глаза, густо подведённые подводкой, ресницы щедро сдобрены тушью, чёрные короткие волосы на концах заканчивались красными прядями, и всё это при довольно внушительной фигуре. Дианин бюст вполне можно было бы использовать в качестве тарана, а «нижние девяносто» смахивали на все «сто двадцать». Диану нельзя было назвать красивой, но внешняя яркость и уверенность, с которой она преподносила себя миру, невольно привлекали внимание и даже завораживали.

— Я не знаю, какого чёрта здесь творится, но если ты сейчас же не прекратишь провокации, то я пойду к коменданту и накатаю жалобу на тебя по всей форме, — рывкнула я, обратив на себя внимание всех присутствующих. С Дианой мы были почти не знакомы, но зато я хорошо знала соседок. Если Рита заводилась по любому поводу с полпинка, то, чтобы вывести из себя спокойную, неконфликтную Настю, нужно было постараться на совесть. И этот крашеный колобок явно преуспел.

— И что же ты там накатаешь? — насмешливо зыркнули на меня из-под ресниц. — Что я пришла в свою комнату, за которую исправно платила все эти годы?

— Что ты пять лет была здесь «мёртвой душой» и вернулась за три месяца до выпуска только затем, чтобы устраивать тут бедлам. Комендант оценит, поверь.

Рита посмотрела на меня почти с материнской гордостью — как будто она все эти годы пыталась привить мне гражданскую сознательность и активную жизненную позицию и наконец её старания дали плоды. Отчасти так и было: на первом курсе мне бы духу не хватило конфликтовать с кем бы то ни было. Я предпочитала тихо сидеть и не отсвечивать, но Риткин энтузиазм оказался заразным — тем более вступаться за других мне было куда легче, чем за себя.

После этого ссора стихла, и все участники разошлись по углам — довольно условно, если учесть, что в комнате было всего пятнадцать квадратов, половину которых занимала мебель. Чуть позже, когда новая старая соседка ушла в душ, удалось выяснить полную картину произошедшего.

Диана явилась к нам в комнату пару часов назад наперевес с чемоданом и сообщила, что до конца выпуска будет жить здесь. Соседки, конечно, удивились, но тут же начали освобождать её кровать, которую в отсутствие хозяйки приспособили под склад всего, что неохота класть на место. Попутно пытались выяснить, что такого случилось, из-за чего Диана решила приобщиться к простым смертным, на что девушка

высокомерно заявила, что лучше уж жить с тремя простыми смертными, чем с одним козлом. На этом расспросы закончились, зато начались скандалы, потому что Диана с бескомпромиссностью бронепоезда стала вываливать из шкафа наши вещи, дабы освободить место для своей одежды. Рита тут же подскочила к ней и начала убирать всё на место, попутно объясняя новой соседке степень её неправоты в самых низменных выражениях. На что Диана только величественно махнула рукой и начала переодеваться во фривольного вида пеньюар. В таком виде её и узрел Женька, зашедший к Насте перед ужином. Надо отдать ему должное: бескрайние просторы, обтянутые шёлком, он рассматривал лишь доли секунды, и в его глазах прочиталось скорее удивление от увиденного, чем мужской интерес. После чего парень перевёл глаза на Настю и ровным голосом заметил, что зайдёт позже. Собственно, в этот момент Настино терпение и закончилось, хотя, судя по Ритиной версии произошедшего, Диана на Женьку вообще никак не отреагировала — ну парень, ну пришёл, ну ушёл. Её больше повеселила собственническая реакция Насти, потому Диана и подначивала девушку.

М-да, мироздание явно решило, что нам легко жилось. Не знаю уж, что будет дальше, но то, что с Дианой придётся нелегко, — это точно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.